

0: ПАТРИОТИЗМ ЕВРОПЕЙСКИЙ И ПАТРИОТИЗМ НАЦИОНАЛЬНЫЙ

Базиль Керский (обращаясь к Генриху-Августу Винклеру) : Господин профессор, ваша изданная в 2000 г. двухтомная история Германии «Долгая дорога на Запад» заканчивается разделом «Формирование немецкой нации после 1989 года». Вы выдвигаете в нем тезис, что народы, жившие в обоих немецких государствах, в 1990 г. не были подготовлены к процессу интеграции. Несмотря на стремление к объединению Германии, идея свободы была в прежней ФРГ гораздо важнее, чем идея воссоединения нации. После объединения Германия оказалась пред трудной задачей восприятия самой себя, изобретения себя заново в качестве демократической германской нации. Насколько развилось сегодня в Германии национальное самосознание?

Генрих-Август Винклер: Примерно 30 лет назад боннский историк и политолог Карл Дитрих Брахер определил ФРГ как «постнациональную демократию» среди европейских национальных государств. Брахер хотел этим сказать, что ФРГ была нетипичным государством внутри Европейского Сообщества, так как Боннская Республика в отличие от Франции или Великобритании не была государством национальным, Юрген Хабермас заимствовал впоследствии понятие «постнациональный» и говорил о «переходе от национальной к постнациональной структуре» в применении к международному праву, и даже рассматривал «постнациональность» как «знамение времени». В конце 1980-х в ФРГ началось движение, возглавлявшееся группировкой, которую я мог бы иронически определить как «посмертное проаденауэровское движение левых сил». Эти левые силы полностью признавали правильность политики сближения с Западом, проводившейся Аденауэром в первые послевоенные годы. Одним из представителей этих левых был Оскар Лафонтен. В 1988 году была опубликована его книга «Die Gesellschaft der Zukunft» («Общество будущего»). Лафонтен был тогда вице-председателем Социал-демократической партии (СДП) и премьер-министром федеральной земли Саар. В книге мы можем найти следующий аргумент: именно потому, что мы, немцы, испытали самые трагические последствия извращенного национализма, сегодня наше предназначение- в роли авангарда вести Европу в будущее в процессе наднациональной интеграции. То есть короче - от извращенности к предназначенности. Что ж, это смелая диалектическая эквилибристика: еще никто столь утонченным образом не обосновывал идею исторической миссии германского народа. Само это обоснование германской миссии служить примером остальной Европе не чем иным, как ужасным немецким опытом прошлого, было отвратительно.

В случае объединенной Германии уже нельзя использовать понятие постнациональной демократии среди европейских национальных государств. Мы стали национальным государством, хотя и не классического типа, но, как и все государства-члены Евросоюза, постклассическим национальным государством. А это означает, что мы должны быть готовы поделить свою суверенность с другими; именно этот факт долгое время вообще не понимали классики международного права. Европейские национальные государства сегодня должны быть готовы к частичной реализации своей суверенности совместно с другими, а частично - к передаче ее в ведение наднациональных органов и учреждений. Это-то и составляет суть постклассических национальных государств в объединении государств Евросоюза.

Базиль Керский: Каким образом это новое немецкое национальное государство может стать частью Европы, не формируя при этом склонности к гегемонии, не становясь вновь угрозой для других?

Генрих Август Винклер: Я думаю, что решение этой проблемы заключается в том, что мы научимся ответственно обращаться с этой полученной дополнительно суверенностью. Почти одновременно мы начали в 1990-е делиться полученной нами суверенностью. Ни одно федеральное правительство после 1990 г., будь то во главе с Гельмутом Колем или Герхардом Шрёдером, не было правительством националистическим, все они поддерживали европейскую интеграцию. Это относится и ко всем немецким политическим партиям, которые стремятся ответственно подходить к новым полученным правам объединенной Германии.

Тот факт, что в мире существуют нации, с исторической точки зрения является тем, что делает Европу Европой. Под этим утверждением могут подписаться сегодня все европейцы. Нации, однако, должны сегодня восприниматься как элементы европейской интеграции. Европа, к которой, как я полагаю, мы все стремимся, будет Европой национальных государств и граждан. Национальные государства будут сотрудничать друг с другом, лишь частично ограничат свою суверенность, а частично будут пользоваться ею совместно. Если они

выберут этот путь, если они признают своим лозунг «Не спрашивай, что Европа может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для Европы», тогда у проекта европейской интеграции еще есть будущее.

Базиль Керский: Я хотел бы еще на минутку остановиться на понятии «немецкой нации». Адам Михник напомнил, как ощутимо, несмотря на непрерывность демократической традиции, изменилось в последние годы во Франции определение французской нации. А в объединенной Германии - по-прежнему ли считается общепринятым определение нации как этнически однородного национального государства?

Генрих Август Винклер: Необычайно важной вехой в современной германской истории стало гражданское законодательство 1999 года, которое вступило в силу 1 января 2000-го. Тем самым ФРГ отошла от чисто этнического определения нации. Человек сегодня немец не по происхождению и языку, а может им стать, если этого хочет и при этом выполнит определенные условия - в смысле классической формулы французского этнолога и ориенталиста Эрнеста Ренана: «нацию составляют те личности, которые хотят быть нацией». Это изменение понятия немецкой нации сближает ее с Западом.

Базиль Керский: Польша стала в этническом и религиозном отношении однородным национальным государством лишь в 1945 г. в результате этнических чисток Гитлера и изменения границ по настоянию Сталина. Польский народ был до катастрофы II Мировой войны многоэтнической общностью в полном смысле этого слова и подобным же образом определял себя политически. После 1989 г. многие польские политики и интеллектуалы ссылались на эту политическую традицию Речи Посполитой. Однако сегодня у меня создается впечатление, что эта республиканская традиция все больше теряет свое значение. Представление национал-демократов, что в основе нации лежат католическая вера и этническая принадлежность, поддерживает сегодня большинство населения. Насколько важна дискуссия между сторонниками этих различных представлений о польской нации во внутриполитическом споре?

Адам Михник: Я думаю, что спор относительно определения национальной идентичности - это не какая-то особая польская специфика. Во всех новых странах-членах Евросоюза мы видим дискуссии того же типа, что и в Польше. С одной стороны, мы имеем дело с нацией, которая понимается в этническом и/или религиозном аспекте, и такой идеей, что нация создает, как бы заполняет собой государство; с другой стороны, мы имеем дело с идеей нации, но нации открытого общества в открытом, демократическом государстве. Это спор между эксклюзивизмом и идеей инклюзивизма, идеей открытости.

Как это выглядит в Польше? Трудно абстрагироваться от того, что все историческое развитие Польши было нарушено, что на протяжении всего XIX века польское государство не существовало. В связи с этим момент, когда появились современные националистические идеи, был тем моментом, когда нации прежней Речи Посполитой, ищущие свои национальные идеи в националистических идеологиях, определялись в оппозиции друг к другу. Таким образом, национализм национал-демократов Романа Дмовского определялся через конфликт с немецким, украинским или, скажем, литовским и еврейским национализмом - это чрезвычайно существенно. Но если обратиться к тогдашним сочинениям, например, Владимира Жаботинского, то они во многих местах являются точным слепком с рассуждений, которые мы находим у Дмовского. Дмовский в какой-то из своих книг с уважением отзывается о Бисмарке, приводя более или менее такое его рассуждение (я никогда не проверял, действительно ли Бисмарк так говорил, я знаю только мысль Дмовского): что, мол, он, Бисмарк, питает даже определенную симпатию к полякам, такую, какую можно питать по отношению к симпатичной собаке; однако собака кусается, а раз она кусается, нужно от нее избавиться - и поэтому поляков нужно уничтожать. Дмовский цитировал это рассуждение с полным одобрением - не в том смысле, что поляков нужно уничтожать, но что поляки должны научиться у Бисмарка, как относиться к нациям, которые находятся с тобой в вымышленном или же подлинном конфликте.

С одной стороны, вы правы, что для поляков жизнь в этнически однородном государстве - что-то совершенно новое, но с другой - идеи польского национализма были идеями эксклюзивистскими, исключаящими, потому что происходило формирование национального сознания, идентичности через посредство конфликта с другим, пусть даже с соседом. В этом смысле эта давняя терминология часто возвращается в новой упаковке, тем более что коммунисты, захватывая власть, с самого начала были в состоянии своеобразной идеологической и интеллектуальной шизофрении: они ссылались на идеи универсализма, интернационализма, на идеи мировой революции, но это были лишь лозунги, произносимые на торжественных заседаниях, а на практике они были строителями моноэтнического и авторитарного государства, по духу близкому к идеям предвоенных национал-демократов Дмовского. Если мы понаблюдаем за сегодняшними спорами, идущими в Венгрии, на Украине, в Румынии и Словакии, в Литве, - мы везде увидим в той или иной форме повторение того спора, который я попытался здесь описать лишь схематически и упрощенно.

Бронислав Геремек: Быть может, имеет смысл обратиться к классическому противопоставлению моделей наций в Европе: немецкой и французской. Когда Эльзас и Лотарингия были практически присоединены к Германской империи, крупнейший немецкий историк Теодор Моммзен говорил, что справедливость восторжествовала, ибо решать должны чувство этнической принадлежности и язык. На что французский историк Н.Д. Фюстель де Куланж отвечал: нет, решать должна воля граждан и, следовательно, гражданское понятие «нации».

Взглянем, например, на развитие польского национального самосознания. Сначала это сознание связи с правящей династией и сменявшимися правящими домами. Контрреформация принесла с собой отождествление шляхетской гражданской принадлежности с верой - религия стала определять национальные границы. И это в стране, которая была многоэтнической, где существовало несколько распространенных религий: в культурном ландшафте Польши рядом друг с другом располагались католическая, протестантская, православная, униатская Церкви, синагога и даже мечеть. Возрожденная после I Мировой войны, Польша должна была заново определить отношения внутри нации, которая существовала, но была нацией такого типа, где господствовал патриотизм без государства, то есть привязанностью к общей культуре, языку, а также к этнической или многоэтнической общности. После II Мировой войны, когда Сталин - а до этого еще вместе с Гитлером - определил рамки моноэтнической Польши, то для власти, для коммунистической партии, весьма привлекательной была идея сформировать такой патриотизм, в котором не было бы даже упоминания о вере, Церкви, религии. Власть апеллировала к этническому чувству принадлежности к нации: она утверждала, что принадлежность к польской нации наследуется, что в этом нет никакого акта гражданского выбора. Так вот, когда теперь мы вступали в Евросоюз, то были убеждены, что суверенность государства будет поделена, но национальное сознание будет уважаться. Я думаю, что это по-прежнему остается реальностью в Евросоюзе - Евросоюз не только не предлагает отменить нации, но даже их укрепляет. В Ирландии много лет население практически уже не говорило по-ирландски, но под влиянием ЕС, который оплачивает обучение на национальном языке, ирландский язык возродился.

Но главной проблемой становится проблема государства: можно принять суверенность, разделенную с другими. Сегодня официальная пропаганда в Польше провозглашает, что национальное государство находится под угрозой исчезновения и что только путем признания понятия национальных интересов можно сохранить национальную культуру и интересы национального государства в условиях глобализации. Возникает вопрос: является ли Евросоюз моделью именно такого сверхгосударства, в котором суверенность не делится между отдельными государствами, но исчезает их внутренняя суверенность, - можно ли это назвать идеей «гражданства»? Дело в том, что в имперских системах, таких как Римская империя, общность создавалась именно благодаря идее «гражданства» - ты можешь быть сирийцем или греком, но ты - римский гражданин. Апостол Павел напомнил своим палачам, что он римский гражданин и поэтому они должны развязать его путы. Так что правильным путем является формирование гражданского чувства - ощущения того, что ты европейский гражданин. Я не хотел бы приуменьшать ответственность моей собственной страны за те трудности, которые испытывает сегодня Евросоюз, но хочу сказать, что это проблемы Евросоюза и Европы как целого. Мы до сегодняшнего дня еще не создали - и я не разделяю здесь «вы» и «мы» - такого гражданского чувства, которое способствовало бы открытости: человек становится европейским гражданином и поэтому что-то приобретает. Разумеется, он приобретает определенные права, он может сказать: «Развяжите мне путы, я европейский гражданин». Это во-первых. Во-вторых, я хочу сказать, что те опасные явления, которые мы наблюдаем в Польше - например, популистское уклонение от вызовов будущего - появляются и в «старых» европейских странах. Когда правительство канцлера Шрёдера вернуло в немецкий политический дискурс понятие «национальных интересов», можно было либо почувствовать беспокойство, либо признать, что каждое государство Евросоюза имеет право на национальные интересы. Но когда затем крупные государства, Франция и Германия, наделили себя правом несоблюдения пакта о [финансовой] стабилизации, утверждая, что этот пакт противоречит их национальным интересам, то кто тогда говорил о национальных интересах в противопоставлении интересам европейским? Ответ: два крупных европейских государства! Когда канцлер Шрёдер принял от имени Германии решение об участии в строительстве Северного газопровода, то чем он это мотивировал? Интересами Германии! Главе немецкого правительства даже в голову не пришло, чтобы вопрос, где отчетливо прослеживались интересы России (то есть государства, которое не является членом Евросоюза и которое не хотело, чтобы газопровод проходил через территории Польши и Украины), обсудить с другими государствами: Польшей, членом Евросоюза, или Литвой, членом Евросоюза.

Меня сейчас интересует не полемический, а аналитический подход. С одной стороны, мы наблюдаем огромный успех европейской интеграции - и это единственный позитивный процесс XX века, а с другой - как раз в этот период мы наблюдаем не только конституционный кризис и кризис реформ европейских институтов, но и возвращения понятия национальных интересов национальных государств-членов Евросоюза, вступающего в противоречие с ощущением общеевропейских интересов.

Генрих Август Винклер: Быть может, обоснованные национальные интересы можно было бы определить именно тем, что такие интересы не противоречат общеевропейским интересам. Если этот факт выбрать в качестве какого-то критерия, то мы, Германия, в таком случае имеем, как легко заметить, немало поводов для самокритики. То, как поступал Герхард Шрёдер в вопросе о газопроводе на дне Балтийского моря, без каких-либо консультаций с другими странами, можно указать как пример отступления назад от той черты, которую мы считали уже достигнутой. Я доволен происшедшим смещением акцентов в этом вопросе в рамках большой коалиции и считаю положительным явлением тот факт, что федеральное правительство теперь оценивает роль средних и малых государств-членов Евросоюза выше, чем это имело место совсем недавно.

Профессор Геремек говорил о моделях для Европы, и я хотел бы еще раз к этому вернуться и напомнить о возникновении проекта европейской конституции. В мае 2000 г. в Гумбольдтовском университете выступил со ставшей впоследствии широко известной речью тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер. В этой речи он брал за исходный пункт то, что члены Евросоюза достигнут договоренности о том, чтобы рискнуть совершить некий «квантовый скачок» - преобразовать существующий союз государств в федерацию. Фишер чувствовал тогда поддержку со стороны Жака Делора, который определил Евросоюз как «федерацию национальных государств» («Fédération d'Etats-nations»). Однако французское понятие «fédération» и немецкое «Föderation» не совпадают друг с другом. И когда мы еще раз читаем выступление Фишера, у нас создается ощущение, что он рассматривает Германию как модель для Европы. По сути дела Фишер, выдвигая свое предложение о следующей фазе европейского процесса интеграции, имел в виду нечто наподобие федеративной модели ФРГ. Его речь была встречена за границами ФРГ с умеренным энтузиазмом. Быть может, Бельгия или Люксембург вполне охотно подписались бы под таким проектом, но французский министр иностранных дел Юбер Ведин некоторое время спустя отрицательно отнесся к этой идее. Если я не ошибаюсь, в этой речи Фишера впервые появилось предложение разработать европейскую конституцию. Эта конституция, таким образом, уже считает принятым решение о преобразовании Евросоюза в федерацию. Это революционное решение так никогда и не было принято, однако само понятие «европейской конституции» осталось - оно-то и стало обременительным для всего проекта реформ. Быть может, вместо «конституционного трактата» полезнее было бы более скромное понятие наподобие «основного трактата». Патетическое понятие «конституции» не может свестись к тому, что национальные государства по-прежнему остаются «хозяевами своих трактатов». Государства-члены Евросоюза принимают суверенные решения о подписании международных трактатов. Не существует никакого общеевропейского суверена, никакой общей совокупности граждан одного государства - так что, реалистически подходя к исходной ситуации для нового «основного трактата», следовало бы прежде всего исходить из этих очевидных фактов.

Многие дискуссии последних лет стали бы ненужными, если бы люди осознали, что по сути дела речь идет всего лишь об определенном организационном статусе, который позволил бы расширенному Евросоюзу предпринимать правовые действия.

Сейчас главное - это сохранить суть несостоявшегося трактата, реформирующего европейские институты. По моему мнению, к этой сути относится принцип двойного большинства: большинства государств и большинства населения. Другими существенными элементами остается придание более важной роли Европарламенту и прозрачность процессов принятия решений в Брюсселе. Новый союзный трактат не нуждается в патетическом названии «конституция». Я бы рекомендовал всерьез отнестись к прусскому принципу «mehr Sein als Schein» (буквально «больше сути, меньше видимости») и не позволять, чтобы возвышенные слова пробуждали излишние тревоги или надежды.

Евросоюз стоит перед проблемой сохранения равновесия между углублением и расширением. Процесс расширения продвинулся гораздо дальше, чем процесс углубления, а углубление - это нечто большее, чем просто реформа институтов и процессов принятия решений. Профессор Геремек говорил о гражданском сознании, о Европе граждан - именно это сегодня это становится главным. Мы должны поддерживать формирование европейского ощущения общности. Каким образом Европа сможет стать политическим союзом, который научится говорить одним голосом по важнейшим вопросам? Уже довольно трудно представить себе европейское ощущение общности, которое простирается от Северного полярного круга до Пелопоннеса, но еще труднее, если вообще возможно, представить себе Европу, опирающуюся на ощущение общности и простирающуюся от Карелии до Курдистана. Когда мы говорим о состоянии Европы, мы должны задать себе также вопрос о границах ее расширения. А вопроса расширения, в свою очередь, нельзя отделять от вопроса о способности функционирования европейских институтов.

Базиль Керский: Профессор Винклер упомянул о выступлении министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера, касавшемся Европы. Эта речь укрепила в Европе впечатление, что Германия - это государство, которое активно выступает за чрезвычайно далеко зашедшую европейскую интеграцию, что она вообще стремится к

созданию европейской федерации, сформированной на основе опыта германского федеративного государства. Польский политолог Пётр Бурас в этом году в весьма интересном анализе указал, что подобное представление о германской европейской политике просто неверно. Проблема в том, утверждает Бурас, что Германия движется сегодня как раз в противоположном направлении, что она слишком отмежевывается от идеи европейской интеграции. Эта новая сдержанность Германии может стать в ближайшие годы крупной проблемой для Евросоюза. Господин профессор, согласны ли вы с этим тезисом? Действительно ли Германия отдаляется от идеи Аденауэра, гласящей, что чем больше Европа интегрируется, тем лучше для Германии?

Генрих Август Винклер: В Германии преобладает преимущество немецкой европейской политики. Христианско-демократическая партия одобрила договоры с нашими восточными соседями, точно так же, как перед этим социал-демократы одобрили интеграцию с Западом аденауэровского типа. Я полагаю, что это можно продолжать и сегодня. Я не согласен с этим тезисом, так как не могу отметить недвусмысленной тенденции возврата к национализму среди политических кругов ФРГ, хотя и отмечаю подобную тенденцию во многих слоях немецкого общества. Я связываю этот факт с тем, что крупные европейские решения (например, касающиеся начала переговоров о вступлении какой-либо страны в ЕС или признания за ней статуса кандидата в члены ЕС) были приняты фактически за закрытыми дверями. Это вызвало у граждан разочарование, углубило впечатление, что они не имеют никакого влияния на принятие решений, судьбоносных для Евросоюза. Это разочарование сыграло решающую роль во время референдумов о европейском «конституционном трактате» в Голландии и во Франции.

Можно было бы свести на нет популистскую эксплуатацию этого разочарования путем более энергичного вовлечения национальных парламентов в процесс принятия решений в ЕС, как это предусматривал конституционный трактат. Подобного рода решения - относящиеся к наделению государства статусом кандидата или к началу переговоров о его вступлении в ЕС - следует обсуждать в национальных парламентах. Благодаря вовлечению национальных парламентов можно было бы вернуть часть той легитимности, которую «Проект Европа» наполовину утратил.

Карл Маркс, описывая в 50-е годы XIX века бонапартистскую Францию, говорил об «автономизации исполнительной власти». Если распространится ощущение, что Брюссель выступает за автономию исполнительной власти - как Европейской комиссии, так и Европейского совета, - тогда европейская интеграция не получит той поддержки среди населения, в которой она нуждается.

Бронислав Геремек: Если мы хотим понимать Европу как общность, а не исключительно как экономический и политический альянс государств, нужно обращаться к гражданам ЕС с вопросами, нужно с ними вести диалог. Традиционная парламентская система в масштабе Евросоюза неэффективна, потому что национальные парламенты всё ещё обладают более сильным чувством национальных интересов, чем правительства. Национальные парламенты с беспокойством наблюдают, что именно приходит в их страны из Евросоюза и - в отличие от правительства отдельных стран - не участвуют в европейском процессе. И здесь возникает проблема, по отношению к которой ФРГ всегда относилась отрицательно, - проблема референдумов. Если перед гражданином европейского государства не был поставлен вопрос, хочет ли он принятия конституционного трактата или его отклонения, это уже само по себе является ошибкой. Но ошибочна и постановка такого вопроса, ибо задающий вопрос прекрасно знает, что никто или почти никто из граждан не прочитал четырехсот страниц, по поводу которых должен высказаться.

Но если спросить европейского гражданина, задав ему в один и тот же день во всем Евросоюзе вопрос, хочет ли он, чтобы у ЕС был общий министр иностранных дел или, например, хочет ли он создания европейской армии, способной на быстрое реагирование, в размере от 60 до 100 тыс. военнослужащих, тогда гражданин почувствовал бы, что и он несет свою долю ответственности за европейские проблемы. Он бы осознал, что может обладать влиянием на решение этих проблем. Таким образом и возникает гражданская нация - через ощущение, что от гражданина что-то зависит, когда он задает себе вопросы или следит за дискуссиями. Образование подобной европейской нации может изменить всю систему функционирования Евросоюза.

Однако национальные правительства боятся ставить перед гражданами подобные вопросы, потому что опросы общественного мнения показывают, что в масштабе всего Евросоюза большинство граждан испытывает недоверие к институтам ЕС. Но если бы мы использовали метод общественных консультаций, когда каждый может высказаться не по поводу решения, но по поводу самого проекта чего-то, что будет определять жизнь общества, то уже самой постановкой вопроса мы создаем гражданина, причем не гражданина каждого из национальных государств, входящих в состав Евросоюза, но гражданина самого ЕС.

Базиль Керский: Идея проведения европейских референдумов на тему расширения ЕС представляется интересной, но политически рискованной. Проведение подобного референдума в Германии, по всей вероятности,

заблокировало бы вступление Польши в Евросоюз. В 2004 г. в проведенных Евросоюзом опросах общественного мнения большинство населения Германии высказалось против принятия в ЕС своего восточного соседа...

Генрих Август Винклер: В таком случае британское правительство на идею проведения европейского референдума отреагировало бы выражением дипломатического «недоумения» («we are not amused»), так как это было бы началом формирования европейской нации, чего англичане боятся как огня - и не только англичане. Нужно также задуматься, что именно выявили результаты конституционных референдумов в Голландии и во Франции. Дело в том, что там речь шла не только о Европе, но определенную роль сыграло и множество внутривластных факторов. Во Франции широкая коалиция от крайне правых до крайне левых, от коммунистов до сторонников Ле Пен ответила «нет» прежде всего по внутривластным причинам. Это была коалиция сил, которые на практике никогда бы не смогли сформировать коалиционное правительство. Этот опыт показывает, насколько важно трудиться над дальнейшим развитием представительской демократии, над наделением более широкими прерогативами Европейского парламента, а также национальных парламента в отношении процессов принятия решений в Брюсселе.

Базиль Керский: Европейский референдум во Франции отчетливо показал, что в продолжительной кампании перед референдумом на первый план всё больше выдвигались внутривластные проблемы, которые уводили в сторону от основного европейского вопроса.

Бронислав Геремек: Это правда, французский референдум был в сумме голосованием за или против деятельности Жака Ширака на посту президента.

Базиль Керский: Профессор Геремек в своем замечании подчеркнул проевропейскую настроенность большинства польского общества и на его положительное отношение к конституционному трактату. (К Михнику:) Господин редактор, разделяете ли вы эту оценку? У меня скорее такое впечатление, что и в Польше было бы легко пробудить националистические настроения. Явная критика Евросоюза могла бы встретить широкое одобрение.

Адам Михник: Есть такие моменты в жизни людей и наций, что очень трудно бывает определить, что именно происходит в человеке или в обществе. Тогда почти любое высказанное мнение оказывается справедливым, по крайней мере - справедливым в отношении определенных ситуаций или определенных частей большего целого. Не подлежит никакому сомнению, что все опросы общественного мнения в Польше свидетельствуют о поддержке Евросоюза среди абсолютного большинства польского населения. Причина этого весьма проста - до сих пор все последствия вступления Польши в Евросоюз были только положительными. Нет ни одного негативного последствия, если мы говорим об этом в масштабе всего общества.

Одновременно с поддержкой Евросоюза существует некоторый страх - страх перед переменами. Каждая перемена - а общества в определенном слое являются консервативными - может быть стрессовой ситуацией. Я, например, когда мне приходится переезжать на другую квартиру, ощущаю такой сильный стресс, что сам, по своей инициативе, никогда в жизни квартир не менял. Разве что был вынужден - и тогда приходили какие-то люди, забирали вещи, мебель, тогда уже я переезжал. Ну не люблю я этого, и всё тут. Несомненно, наши контакты с Евросоюзом приносят с собой огромные перемены. Возьмем символический пример маленького городка, который на протяжении веков располагался в долине. И тут внезапно из различных наблюдений и изысканий выясняется, что вот-вот на нас сойдет лавина, и наш городок окажется засыпанным. Ну и жители городка, которые жили там из поколения в поколение, не хотят эвакуироваться. Они не хотят перемен. Этот синдром наблюдается в Польше и в других странах, хотя и обрастает разнообразными идеологическими обоснованиями.

Есть еще иной, третий фактор, чрезвычайно существенный. Для значительной, консервативно настроенной части общества, те перемены в нравах, которые произошли в Европе на протяжении последних 50 лет и которые совершались без всякого участия Польши, выглядят настолько шокирующими, что нужно время, чтобы с ними освоиться. И поэтому определенные факты, наблюдаемые извне, выглядят почти гротескно, так как попросту непонятны. Как это мэр города может запретить проведение Парада Равенства, на котором с плакатами маршируют организации гомосексуалистов? С точки зрения Берлина или Парижа это непонятно, совершенно непостижимо. Но в Польше никогда прежде таких парадов не было, а если люди сталкиваются с чем-то новым, то вначале они вообще не знают, как на это реагировать.

Бронислав Геремек: Я начну еще раз с вопроса о том, как добиться, чтобы люди почувствовали себя гражданами Европы. По поводу общеевропейских общественных консультаций я уже выступил с соответствующей инициативой в Европарламенте и попытаюсь ее провести в жизнь. При этом следует заметить, что она не будет относиться к конституционному трактату. Существует множество проблем, достойных

обсуждения и решения в рамках общественных консультаций, и я считаю, что необходимо относиться к европейскому гражданину со всей серьезностью. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что этому служат и сегодняшние дебаты в Европе. Они не превращаются в широкие общественные дискуссии, но их элементы проникают глубоко в общество: подобное влияние оказали статьи Юргена Хабермаса и Жака Дерриды или то, что писал Генрих о Турции. Эти статьи давали гражданину возможность выработать и высказать свое собственное мнение. Мне кажется, что это должно относиться также и к исполнительной власти. Мы должны стремиться к тому, чтобы председатель Европейской комиссии избирался либо Европарламентом, либо общеевропейским конгрессом, в котором участвовали бы делегации национальных парламентов и делегации регионов, либо же - это самый рискованный путь, но он приведет к оживлению гражданской жизни - непосредственно во всей Европе.

Генрих Август Винклер: Профессор Геремек кратко упомянул тексты Хабермаса и Дерриды. Оба философа в контексте войны в Ираке попытались выделить элементы европейской идентичности. Я полностью согласен с их критикой иракской войны, но я не согласен с тем, чтобы определять европейскую идентичность в терминах противопоставления чему-либо, прежде всего противопоставления США, которые внесли огромный вклад в проект демократии, в политическую культуру Запада. Мы критикуем США, исходя из общих для нас ценностей, которые мы нередко весьма различно интерпретируем, но политическая культура Евросоюза - это политической культурой всего Запада, то есть своего рода трансатлантический продукт. Идея неотъемлемых прав человека, ставшая квинтэссенцией политической культуры западной демократии, была впервые сформулирована на территории британской колонии в Северной Америке, в Виргинии в 1776 г., а затем была включена в американскую Декларацию Независимости. Тринадцать лет спустя французское Национальное Собрание официально вписало идею неотъемлемых прав человека в Декларацию прав человека и гражданина и тем самым сделало ее мерилom европейской политики. Таковы наши политические традиции.

Именно из этого мы должны исходить и в дискуссиях насчет того, какая страна может или не может входить в состав Евросоюза. Новые члены должны быть решительно настроены на то - я вновь процитирую здесь Юргена Хабермаса, - чтобы абсолютно и безусловно открыться политической культуре Запада. Такова философия, стоящая за копенгагенскими критериями, касающимися условий вступления в Евросоюз.

«Диалог», №80-81 (2007/2008)

Приведенная выше беседа состоялась в рамках цикла дискуссий «Европа, любовь моя. Польско-немецкие диалоги» Фонда «Замок Нейхарденберг» и Федерального союза Немецко-польских объединений 16 июня 2007 г. в Нейхарденберге.

Бронислав Геремек - историк, в 80-е годы советник «Солидарности», с 1997 по 2000 гг. - министр иностранных дел Республики Польша. С 2006 г. Депутат Европейского Парламента, лауреат присуждаемой муниципалитетом Ахена международной премии им. Карла Великого за 1998 г. Погиб в автомобильной катастрофе в 2008 г.

Базиль Керский - главный редактор двуязычного немецко-польского журнала «Диалог»

Адам Михник - историк и публицист, главный редактор «Газеты wyborчей»

Генрих Август Винклер - профессор истории, автор множества публикаций по истории Германии XIX и XX вв., автор двухтомной истории Германии «Долгая дорога на Запад»

Базиль Керский (обращаясь к Генриху-Августу Винклеру) : Господин профессор, ваша изданная в 2000 г. двухтомная история Германии «Долгая дорога на Запад» заканчивается разделом «Формирование немецкой нации после 1989 года». Вы выдвигаете в нем тезис, что народы, жившие в обоих немецких государствах, в 1990 г. не были подготовлены к процессу интеграции. Несмотря на стремление к объединению Германии, идея свободы была в прежней ФРГ гораздо важнее, чем идея воссоединения нации. После объединения Германия оказалась пред трудной задачей восприятия самой себя, изобретения себя заново в качестве демократической германской нации. Насколько развилось сегодня в Германии национальное самосознание?

Генрих-Август Винклер: Примерно 30 лет назад боннский историк и политолог Карл Дитрих Брахер определил ФРГ как «постнациональную демократию» среди европейских национальных государств. Брахер хотел этим сказать, что ФРГ была нетипичным государством внутри Европейского Сообщества, так как Боннская Республика в отличие от Франции или Великобритании не была государством национальным, Юрген Хабермас заимствовал впоследствии понятие «постнациональный» и говорил о «переходе от национальной к постнациональной структуре» в применении к международному праву, и даже рассматривал

«постнациональность» как «знамение времени». В конце 1980-х в ФРГ началось движение, возглавлявшееся группировкой, которую я мог бы иронически определить как «посмертное проаденауэровское движение левых сил». Эти левые силы полностью признавали правильность политики сближения с Западом, проводившейся Аденауэром в первые послевоенные годы. Одним из представителей этих левых был Оскар Лафонтен. В 1988 году была опубликована его книга «Die Gesellschaft der Zukunft» («Общество будущего»). Лафонтен был тогда вице-председателем Социал-демократической партии (СДП) и премьер-министром федеральной земли Саар. В книге мы можем найти следующий аргумент: именно потому, что мы, немцы, испытали самые трагические последствия извращенного национализма, сегодня наше предназначение - в роли авангарда вести Европу в будущее в процессе наднациональной интеграции. То есть короче - от извращенности к предназначенности. Что ж, это смелая диалектическая эквилибристика: еще никто столь утонченным образом не обосновывал идею исторической миссии германского народа. Само это обоснование германской миссии служить примером остальной Европе не чем иным, как ужасным немецким опытом прошлого, было отвратительно.

В случае объединенной Германии уже нельзя использовать понятие постнациональной демократии среди европейских национальных государств. Мы стали национальным государством, хотя и не классического типа, но, как и все государства-члены Евросоюза, постклассическим национальным государством. А это означает, что мы должны быть готовы поделить свою суверенность с другими; именно этот факт долгое время вообще не понимали классики международного права. Европейские национальные государства сегодня должны быть готовы к частичной реализации своей суверенности совместно с другими, а частично - к передаче ее в ведение наднациональных органов и учреждений. Это-то и составляет суть постклассических национальных государств в объединении государств Евросоюза.

Базиль Керский: Каким образом это новое немецкое национальное государство может стать частью Европы, не формируя при этом склонности к гегемонии, не становясь вновь угрозой для других?

Генрих Август Винклер: Я думаю, что решение этой проблемы заключается в том, что мы научимся ответственно обращаться с этой полученной дополнительно суверенностью. Почти одновременно мы начали в 1990-е делиться полученной нами суверенностью. Ни одно федеральное правительство после 1990 г., будь то во главе с Гельмутом Колем или Герхардом Шрёдером, не было правительством националистическим, все они поддерживали европейскую интеграцию. Это относится и ко всем немецким политическим партиям, которые стремятся ответственно подходить к новым полученным правам объединенной Германии.

Тот факт, что в мире существуют нации, с исторической точки зрения является тем, что делает Европу Европой. Под этим утверждением могут подписаться сегодня все европейцы. Нации, однако, должны сегодня восприниматься как элементы европейской интеграции. Европа, к которой, как я полагаю, мы все стремимся, будет Европой национальных государств и граждан. Национальные государства будут сотрудничать друг с другом, лишь частично ограничат свою суверенность, а частично будут пользоваться ею совместно. Если они выберут этот путь, если они признают своим лозунг «Не спрашивай, что Европа может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для Европы», тогда у проекта европейской интеграции еще есть будущее.

Базиль Керский: Я хотел бы еще на минутку остановиться на понятии «немецкой нации». Адам Михник напомнил, как ощутимо, несмотря на непрерывность демократической традиции, изменилось в последние годы во Франции определение французской нации. А в объединенной Германии - по-прежнему ли считается общепринятым определение нации как этнически однородного национального государства?

Генрих Август Винклер: Необычайно важной вехой в современной германской истории стало гражданское законодательство 1999 года, которое вступило в силу 1 января 2000-го. Тем самым ФРГ отошла от чисто этнического определения нации. Человек сегодня немец не по происхождению и языку, а может им стать, если этого хочет и при этом выполнит определенные условия - в смысле классической формулы французского этнолога и ориенталиста Эрнеста Ренана: «нацию составляют те личности, которые хотят быть нацией». Это изменение понятия немецкой нации сближает ее с Западом.

Базиль Керский: Польша стала в этническом и религиозном отношении однородным национальным государством лишь в 1945 г. в результате этнических чисток Гитлера и изменения границ по настоянию Сталина. Польский народ был до катастрофы II Мировой войны многоэтнической общностью в полном смысле этого слова и подобным же образом определял себя политически. После 1989 г. многие польские политики и интеллектуалы ссылались на эту политическую традицию Речи Посполитой. Однако сегодня у меня создается впечатление, что эта республиканская традиция все больше теряет свое значение. Представление национал-демократов, что в основе нации лежат католическая вера и этническая принадлежность, поддерживает сегодня большинство населения. Насколько важна дискуссия между сторонниками этих различных представлений о польской нации во внутривнутриполитическом споре?

Адам Михник: Я думаю, что спор относительно определения национальной идентичности - это не какая-то особая польская специфика. Во всех новых странах-членах Евросоюза мы видим дискуссии того же типа, что и в Польше. С одной стороны, мы имеем дело с нацией, которая понимается в этническом и/или религиозном аспекте, и такой идеей, что нация создает, как бы заполняет собой государство; с другой стороны, мы имеем дело с идеей нации, но нации открытого общества в открытом, демократическом государстве. Это спор между эксклюзивизмом и идеей инклюзивизма, идеей открытости.

Как это выглядит в Польше? Трудно абстрагироваться от того, что все историческое развитие Польши было нарушено, что на протяжении всего XIX века польское государство не существовало. В связи с этим момент, когда появились современные националистические идеи, был тем моментом, когда нации прежней Речи Посполитой, ищущие свои национальные идеи в националистических идеологиях, определялись в оппозиции друг к другу. Таким образом, национализм национал-демократов Романа Дмовского определялся через конфликт с немецким, украинским или, скажем, литовским и еврейским национализмом - это чрезвычайно существенно. Но если обратиться к тогдашним сочинениям, например, Владимира Жаботинского, то они во многих местах являются точным слепком с рассуждений, которые мы находим у Дмовского. Дмовский в какой-то из своих книг с уважением отзывается о Бисмарке, приводя более или менее такое его рассуждение (я никогда не проверял, действительно ли Бисмарк так говорил, я знаю только мысль Дмовского): что, мол, он, Бисмарк, питает даже определенную симпатию к полякам, такую, какую можно питать по отношению к симпатичной собаке; однако собака кусается, а раз она кусается, нужно от нее избавиться - и поэтому поляков нужно уничтожать. Дмовский цитировал это рассуждение с полным одобрением - не в том смысле, что поляков нужно уничтожать, но что поляки должны научиться у Бисмарка, как относиться к нациям, которые находятся с тобой в вымышленном или же подлинном конфликте.

С одной стороны, вы правы, что для поляков жизнь в этнически однородном государстве - что-то совершенно новое, но с другой - идеи польского национализма были идеями эксклюзивистскими, исключаящими, потому что происходило формирование национального сознания, идентичности через посредство конфликта с другим, пусть даже с соседом. В этом смысле эта давняя терминология часто возвращается в новой упаковке, тем более что коммунисты, захватывая власть, с самого начала были в состоянии своеобразной идеологической и интеллектуальной шизофрении: они ссылались на идеи универсализма, интернационализма, на идеи мировой революции, но это были лишь лозунги, произносимые на торжественных заседаниях, а на практике они были строителями моноэтнического и авторитарного государства, по духу близкому к идеям предвоенных национал-демократов Дмовского. Если мы наблюдаем за сегодняшними спорами, идущими в Венгрии, на Украине, в Румынии и Словакии, в Литве, - мы везде увидим в той или иной форме повторение того спора, который я попытался здесь описать лишь схематически и упрощенно.

Бронислав Геремек: Быть может, имеет смысл обратиться к классическому противопоставлению моделей наций в Европе: немецкой и французской. Когда Эльзас и Лотарингия были практически присоединены к Германской империи, крупнейший немецкий историк Теодор Моммзен говорил, что справедливость восторжествовала, ибо решать должны чувство этнической принадлежности и язык. На что французский историк Н.Д. Фюстель де Куланж отвечал: нет, решать должна воля граждан и, следовательно, гражданское понятие «нации».

Взглянем, например, на развитие польского национального самосознания. Сначала это сознание связи с правящей династией и сменявшими правящими домами. Контрреформация принесла с собой отождествление шляхетской гражданской принадлежности с верой - религия стала определять национальные границы. И это в стране, которая была многоэтнической, где существовало несколько распространенных религий: в культурном ландшафте Польши рядом друг с другом располагались католическая, протестантская, православная, униатская Церкви, синагога и даже мечеть. Возрожденная после I Мировой войны, Польша должна была заново определить отношения внутри нации, которая существовала, но была нацией такого типа, где господствовал патриотизм без государства, то есть привязанностью к общей культуре, языку, а также к этнической или многоэтнической общности. После II Мировой войны, когда Сталин - а до этого еще вместе с Гитлером - определил рамки моноэтнической Польши, то для власти, для коммунистической партии, весьма привлекательной была идея сформировать такой патриотизм, в котором не было бы даже упоминания о вере, Церкви, религии. Власть апеллировала к этническому чувству принадлежности к нации: она утверждала, что принадлежность к польской нации наследуется, что в этом нет никакого акта гражданского выбора. Так вот, когда теперь мы вступали в Евросоюз, то были убеждены, что суверенность государства будет поделена, но национальное сознание будет уважаться. Я думаю, что это по-прежнему остается реальностью в Евросоюзе - Евросоюз не только не предлагает отменить нации, но даже их укрепляет. В Ирландии много лет население практически уже не говорило по-ирландски, но под влиянием ЕС, который оплачивает обучение на национальном языке, ирландский язык возродился.

Но главной проблемой становится проблема государства: можно принять суверенность, разделенную с другими. Сегодня официальная пропаганда в Польше провозглашает, что национальное государство находится под угрозой исчезновения и что только путем признания понятия национальных интересов можно сохранить национальную культуру и интересы национального государства в условиях глобализации. Возникает вопрос: является ли Евросоюз моделью именно такого сверхгосударства, в котором суверенность не делится между отдельными государствами, но исчезает их внутренняя суверенность, - можно ли это назвать идеей «гражданства»? Дело в том, что в имперских системах, таких как Римская империя, общность создавалась именно благодаря идее «гражданства» - ты можешь быть сирийцем или греком, но ты - римский гражданин. Апостол Павел напомнил своим палачам, что он римский гражданин и поэтому они должны развязать его путы. Так что правильным путем является формирование гражданского чувства - ощущения того, что ты европейский гражданин. Я не хотел бы приуменьшать ответственность моей собственной страны за те трудности, которые испытывает сегодня Евросоюз, но хочу сказать, что это проблемы Евросоюза и Европы как целого. Мы до сегодняшнего дня еще не создали - и я не разделяю здесь «вы» и «мы» - такого гражданского чувства, которое способствовало бы открытости: человек становится европейским гражданином и поэтому что-то приобретает. Разумеется, он приобретает определенные права, он может сказать: «Развяжите мне путы, я европейский гражданин». Это во-первых. Во-вторых, я хочу сказать, что те опасные явления, которые мы наблюдаем в Польше - например, популистское уклонение от вызовов будущего - появляются и в «старых» европейских странах. Когда правительство канцлера Шрёдера вернуло в немецкий политический дискурс понятие «национальных интересов», можно было либо почувствовать беспокойство, либо признать, что каждое государство Евросоюза имеет право на национальные интересы. Но когда затем крупные государства, Франция и Германия, наделили себя правом несоблюдения пакта о [финансовой] стабилизации, утверждая, что этот пакт противоречит их национальным интересам, то кто тогда говорил о национальных интересах в противопоставлении интересам европейским? Ответ: два крупных европейских государства! Когда канцлер Шрёдер принял от имени Германии решение об участии в строительстве Северного газопровода, то чем он это мотивировал? Интересами Германии! Главе немецкого правительства даже в голову не пришло, чтобы вопрос, где отчетливо прослеживались интересы России (то есть государства, которое не является членом Евросоюза и которое не хотело, чтобы газопровод проходил через территории Польши и Украины), обсудить с другими государствами: Польшей, членом Евросоюза, или Литвой, членом Евросоюза.

Меня сейчас интересует не полемический, а аналитический подход. С одной стороны, мы наблюдаем огромный успех европейской интеграции - и это единственный позитивный процесс XX века, а с другой - как раз в этот период мы наблюдаем не только конституционный кризис и кризис реформ европейских институтов, но и возвращения понятия национальных интересов национальных государств-членов Евросоюза, вступающего в противоречие с ощущением общеевропейских интересов.

Генрих Август Винклер: Быть может, обоснованные национальные интересы можно было бы определить именно тем, что такие интересы не противостоят общеевропейским интересам. Если этот факт выбрать в качестве какого-то критерия, то мы, Германия, в таком случае имеем, как легко заметить, немало поводов для самокритики. То, как поступал Герхард Шрёдер в вопросе о газопровode на дне Балтийского моря, без каких-либо консультаций с другими странами, можно указать как пример отступления назад от той черты, которую мы считали уже достигнутой. Я доволен происшедшим смещением акцентов в этом вопросе в рамках большой коалиции и считаю положительным явлением тот факт, что федеральное правительство теперь оценивает роль средних и малых государств-членов Евросоюза выше, чем это имело место совсем недавно.

Профессор Геремек говорил о моделях для Европы, и я хотел бы еще раз к этому вернуться и напомнить о возникновении проекта европейской конституции. В мае 2000 г. в Гумбольдтовском университете выступил со ставшей впоследствии широко известной речью тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер. В этой речи он брал за исходный пункт то, что члены Евросоюза достигнут договоренности о том, чтобы рискнуть совершить некий «квантовый скачок» - преобразовать существующий союз государств в федерацию. Фишер чувствовал тогда поддержку со стороны Жака Делора, который определил Евросоюз как «федерацию национальных государств» («Fédération d'Etats-nations»). Однако французское понятие «fédération» и немецкое «Föderation» не совпадают друг с другом. И когда мы еще раз читаем выступление Фишера, у нас создается ощущение, что он рассматривает Германию как модель для Европы. По сути дела Фишер, выдвигая свое предложение о следующей фазе европейского процесса интеграции, имел в виду нечто наподобие федеративной модели ФРГ. Его речь была встречена за границами ФРГ с умеренным энтузиазмом. Быть может, Бельгия или Люксембург вполне охотно подписались бы под таким проектом, но французский министр иностранных дел Юбер Ведрин некоторое время спустя отрицательно отнесся к этой идее. Если я не ошибаюсь, в этой речи Фишера впервые появилось предложение разработать европейскую конституцию. Эта конституция, таким образом, уже считается принятым решением о преобразовании Евросоюза в федерацию. Это революционное решение так никогда и не было принято, однако само понятие «европейской конституции» осталось - оно-то и

стало обременительным для всего проекта реформ. Быть может, вместо «конституционного трактата» полезнее было бы более скромное понятие наподобие «основного трактата». Патетическое понятие «конституции» не может свестись к тому, что национальные государства по-прежнему остаются «хозяевами своих трактатов». Государства-члены Евросоюза принимают суверенные решения о подписании международных трактатов. Не существует никакого общеевропейского суверена, никакой общей совокупности граждан одного государства - так что, реалистически подходя к исходной ситуации для нового «основного трактата», следовало бы прежде всего исходить из этих очевидных фактов.

Многие дискуссии последних лет стали бы ненужными, если бы люди осознали, что по сути дела речь идет всего лишь об определенном организационном статусе, который позволил бы расширенному Евросоюзу предпринимать правовые действия.

Сейчас главное - это сохранить суть несостоявшегося трактата, реформирующего европейские институты. По моему мнению, к этой сути относится принцип двойного большинства: большинства государств и большинства населения. Другими существенными элементами остается придание более важной роли Европарламенту и прозрачность процессов принятия решений в Брюсселе. Новый союзный трактат не нуждается в патетическом названии «конституция». Я бы рекомендовал всерьез отнестись к прусскому принципу «mehr Sein als Schein» (буквально «больше сути, меньше видимости») и не позволять, чтобы возвышенные слова пробуждали излишние тревоги или надежды.

Евросоюз стоит перед проблемой сохранения равновесия между углублением и расширением. Процесс расширения продвинулся гораздо дальше, чем процесс углубления, а углубление - это нечто большее, чем просто реформа институтов и процессов принятия решений. Профессор Геремек говорил о гражданском сознании, о Европе граждан - именно это сегодня это становится главным. Мы должны поддерживать формирование европейского ощущения общности. Каким образом Европа сможет стать политическим союзом, который научится говорить одним голосом по важнейшим вопросам? Уже довольно трудно представить себе европейское ощущение общности, которое простирается от Северного полярного круга до Пелопоннеса, но еще труднее, если вообще возможно, представить себе Европу, опирающуюся на ощущение общности и простирающуюся от Карелии до Курдистана. Когда мы говорим о состоянии Европы, мы должны задать себе также вопрос о границах ее расширения. А вопроса расширения, в свою очередь, нельзя отделять от вопроса о способности функционирования европейских институтов.

Базиль Керский: Профессор Винклер упомянул о выступлении министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера, касавшемся Европы. Эта речь укрепила в Европе впечатление, что Германия - это государство, которое активно выступает за чрезвычайно далеко зашедшую европейскую интеграцию, что она вообще стремится к созданию европейской федерации, сформированной на основе опыта германского федеративного государства. Польский политолог Пётр Бурас в этом году в весьма интересном анализе указал, что подобное представление о германской европейской политике просто неверно. Проблема в том, утверждает Бурас, что Германия движется сегодня как раз в противоположном направлении, что она слишком отмежевывается от идеи европейской интеграции. Эта новая сдержанность Германии может стать в ближайшие годы крупной проблемой для Евросоюза. Господин профессор, согласны ли вы с этим тезисом? Действительно ли Германия отдаляется от идеи Аденауэра, гласящей, что чем больше Европа интегрируется, тем лучше для Германии?

Генрих Август Винклер: В Германии преобладает преимущество немецкой европейской политики. Христианско-демократическая партия одобрила договоры с нашими восточными соседями, точно так же, как перед этим социал-демократы одобрили интеграцию с Западом аденауэровского типа. Я полагаю, что это можно продолжать и сегодня. Я не согласен с этим тезисом, так как не могу отметить недвусмысленной тенденции возврата к национализму среди политических кругов ФРГ, хотя и отмечаю подобную тенденцию во многих слоях немецкого общества. Я связываю этот факт с тем, что крупные европейские решения (например, касающиеся начала переговоров о вступлении какой-либо страны в ЕС или признания за ней статуса кандидата в члены ЕС) были приняты фактически за закрытыми дверями. Это вызвало у граждан разочарование, углубило впечатление, что они не имеют никакого влияния на принятие решений, судьбоносных для Евросоюза. Это разочарование сыграло решающую роль во время референдумов о европейском «конституционном трактате» в Голландии и во Франции.

Можно было бы свести на нет популистскую эксплуатацию этого разочарования путем более энергичного вовлечения национальных парламентов в процесс принятия решений в ЕС, как это предусматривал конституционный трактат. Подобного рода решения - относящиеся к наделению государства статусом кандидата или к началу переговоров о его вступлении в ЕС - следует обсуждать в национальных парламентах. Благодаря

вовлечению национальных парламентов можно было бы вернуть часть той легитимности, которую «Проект Европа» наполовину утратил.

Карл Маркс, описывая в 50-е годы XIX века бонапартистскую Францию, говорил об «автономизации исполнительной власти». Если распространится ощущение, что Брюссель выступает за автономию исполнительной власти - как Европейской комиссии, так и Европейского совета, - тогда европейская интеграция не получит той поддержки среди населения, в которой она нуждается.

Бронислав Геремек: Если мы хотим понимать Европу как общность, а не исключительно как экономический и политический альянс государств, нужно обращаться к гражданам ЕС с вопросами, нужно с ними вести диалог. Традиционная парламентская система в масштабе Евросоюза неэффективна, потому что национальные парламенты всё еще обладают более сильным чувством национальных интересов, чем правительства. Национальные парламенты с беспокойством наблюдают, что именно приходит в их страны из Евросоюза и - в отличие от правительства отдельных стран - не участвуют в европейском процессе. И здесь возникает проблема, по отношению к которой ФРГ всегда относилась отрицательно, - проблема референдумов. Если перед гражданином европейского государства не был поставлен вопрос, хочет ли он принятия конституционного трактата или его отклонения, это уже само по себе является ошибкой. Но ошибочна и постановка такого вопроса, ибо задающий вопрос прекрасно знает, что никто или почти никто из граждан не прочитал четырехсот страниц, по поводу которых должен высказаться.

Но если спросить европейского гражданина, задав ему в один и тот же день во всем Евросоюзе вопрос, хочет ли он, чтобы у ЕС был общий министр иностранных дел или, например, хочет ли он создания европейской армии, способной на быстрое реагирование, в размере от 60 до 100 тыс. военнослужащих, тогда гражданин почувствовал бы, что и он несет свою долю ответственности за европейские проблемы. Он бы осознал, что может обладать влиянием на решение этих проблем. Таким образом и возникает гражданская нация - через ощущение, что от гражданина что-то зависит, когда он задает себе вопросы или следит за дискуссиями. Образование подобной европейской нации может изменить всю систему функционирования Евросоюза.

Однако национальные правительства боятся ставить перед гражданами подобные вопросы, потому что опросы общественного мнения показывают, что в масштабе всего Евросоюза большинство граждан испытывает недоверие к институтам ЕС. Но если бы мы использовали метод общественных консультаций, когда каждый может высказаться не по поводу решения, но по поводу самого проекта чего-то, что будет определять жизнь общества, то уже самой постановкой вопроса мы создаем гражданина, причем не гражданина каждого из национальных государств, входящих в состав Евросоюза, но гражданина самого ЕС.

Базиль Керский: Идея проведения европейских референдумов на тему расширения ЕС представляется интересной, но политически рискованной. Проведение подобного референдума в Германии, по всей вероятности, заблокировало бы вступление Польши в Евросоюз. В 2004 г. в проведенных Евросоюзом опросах общественного мнения большинство населения Германии высказалось против принятия в ЕС своего восточного соседа...

Генрих Август Винклер: В таком случае британское правительство на идею проведения европейского референдума отреагировало бы выражением дипломатического «недоумения» («we are not amused»), так как это было бы началом формирования европейской нации, чего англичане боятся как огня - и не только англичане. Нужно также задуматься, что именно выявили результаты конституционных референдумов в Голландии и во Франции. Дело в том, что там речь шла не только о Европе, но определенную роль сыграло и множество внутривнутриполитических факторов. Во Франции широкая коалиция от крайне правых до крайне левых, от коммунистов до сторонников Ле Пена ответила «нет» прежде всего по внутривнутриполитическим причинам. Это была коалиция сил, которые на практике никогда бы не смогли сформировать коалиционное правительство. Этот опыт показывает, насколько важно трудиться над дальнейшим развитием представительской демократии, над наделением более широкими прерогативами Европейского парламента, а также национальных парламентов в отношении процессов принятия решений в Брюсселе.

Базиль Керский: Европейский референдум во Франции отчетливо показал, что в продолжительной кампании перед референдумом на первый план всё больше выдвигались внутривнутриполитические проблемы, которые уводили в сторону от основного европейского вопроса.

Бронислав Геремек: Это правда, французский референдум был в сумме голосованием за или против деятельности Жака Ширака на посту президента.

Базиль Керский: Профессор Геремек в своем замечании подчеркнул проевропейскую настроенность большинства польского общества и на его положительное отношение к конституционному трактату. (К

Михнику:) Господин редактор, разделяете ли вы эту оценку? У меня скорее такое впечатление, что и в Польше было бы легко пробудить националистические настроения. Явная критика Евросоюза могла бы встретить широкое одобрение.

Адам Михник: Есть такие моменты в жизни людей и наций, что очень трудно бывает определить, что именно происходит в человеке или в обществе. Тогда почти любое высказанное мнение оказывается справедливым, по крайней мере - справедливым в отношении определенных ситуаций или определенных частей большего целого. Не подлежит никакому сомнению, что все опросы общественного мнения в Польше свидетельствуют о поддержке Евросоюза среди абсолютного большинства польского населения. Причина этого весьма проста - до сих пор все последствия вступления Польши в Евросоюз были только положительными. Нет ни одного негативного последствия, если мы говорим об этом в масштабе всего общества.

Одновременно с поддержкой Евросоюза существует некоторый страх - страх перед переменами. Каждая перемена - а общества в определенном слое являются консервативными - может быть стрессовой ситуацией. Я, например, когда мне приходится переезжать на другую квартиру, ощущаю такой сильный стресс, что сам, по своей инициативе, никогда в жизни квартир не менял. Разве что был вынужден - и тогда приходили какие-то люди, забирали вещи, мебель, тогда уже я переезжал. Ну не люблю я этого, и всё тут. Несомненно, наши контакты с Евросоюзом приносят с собой огромные перемены. Возьмем символический пример маленького городка, который на протяжении веков располагался в долине. И тут внезапно из различных наблюдений и изысканий выясняется, что вот-вот на нас сойдет лавина, и наш городок окажется засыпанным. Ну и жители городка, которые жили там из поколения в поколение, не хотят эвакуироваться. Они не хотят перемен. Этот синдром наблюдается в Польше и в других странах, хотя и обрастает разнообразными идеологическими обоснованиями.

Есть еще иной, третий фактор, чрезвычайно существенный. Для значительной, консервативно настроенной части общества, те перемены в нравах, которые произошли в Европе на протяжении последних 50 лет и которые совершались без всякого участия Польши, выглядят настолько шокирующими, что нужно время, чтобы с ними освоиться. И поэтому определенные факты, наблюдаемые извне, выглядят почти гротескно, так как попросту непонятны. Как это мэр города может запретить проведение Парада Равенства, на котором с плакатами маршируют организации гомосексуалистов? С точки зрения Берлина или Парижа это непонятно, совершенно непостижимо. Но в Польше никогда прежде таких парадов не было, а если люди сталкиваются с чем-то новым, то вначале они вообще не знают, как на это реагировать.

Бронислав Геремек: Я начну еще раз с вопроса о том, как добиться, чтобы люди почувствовали себя гражданами Европы. По поводу общеевропейских общественных консультаций я уже выступил с соответствующей инициативой в Европарламенте и попытаюсь ее провести в жизнь. При этом следует заметить, что она не будет относиться к конституционному трактату. Существует множество проблем, достойных обсуждения и решения в рамках общественных консультаций, и я считаю, что необходимо относиться к европейскому гражданину со всей серьезностью. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что этому служат и сегодняшние дебаты в Европе. Они не превращаются в широкие общественные дискуссии, но их элементы проникают глубоко в общество: подобное влияние оказали статьи Юргена Хабермаса и Жака Дерриды или то, что писал Генрих о Турции. Эти статьи давали гражданину возможность выработать и высказать свое собственное мнение. Мне кажется, что это должно относиться также и к исполнительной власти. Мы должны стремиться к тому, чтобы председатель Европейской комиссии избирался либо Европарламентом, либо общеевропейским конгрессом, в котором участвовали бы делегации национальных парламентов и делегации регионов, либо же - это самый рискованный путь, но он приведет к оживлению гражданской жизни - непосредственно во всей Европе.

Генрих Август Винклер: Профессор Геремек кратко упомянул тексты Хабермаса и Дерриды. Оба философа в контексте войны в Ираке попытались выделить элементы европейской идентичности. Я полностью согласен с их критикой иракской войны, но я не согласен с тем, чтобы определять европейскую идентичность в терминах противопоставления чему-либо, прежде всего противопоставления США, которые внесли огромный вклад в проект демократии, в политическую культуру Запада. Мы критикуем США, исходя из общих для нас ценностей, которые мы нередко весьма различно интерпретируем, но политическая культура Евросоюза - это политической культурой всего Запада, то есть своего рода трансатлантический продукт. Идея неотъемлемых прав человека, ставшая квинтэссенцией политической культуры западной демократии, была впервые сформулирована на территории британской колонии в Северной Америке, в Виргинии в 1776 г., а затем была включена в американскую Декларацию Независимости. Тринадцать лет спустя французское Национальное Собрание

официально вписало идею неотъемлемых прав человека в Декларацию прав человека и гражданина и тем самым сделало ее мерилom европейской политики. Таковы наши политические традиции.

Именно из этого мы должны исходить и в дискуссиях насчет того, какая страна может или не может входить в состав Евросоюза. Новые члены должны быть решительно настроены на то - я вновь процитирую здесь Юргена Хабермаса, - чтобы абсолютно и безусловно открыться политической культуре Запада. Такова философия, стоящая за копенгагенскими критериями, касающимися условий вступления в Евросоюз.

«Диалог», №80-81 (2007/2008)

Приведенная выше беседа состоялась в рамках цикла дискуссий «Европа, любовь моя. Польско-немецкие диалоги» Фонда «Замок Нейхарденберг» и Федерального союза Немецко-польских объединений 16 июня 2007 г. в Нейхарденберге.

Бронислав Геремек - историк, в 80-е годы советник «Солидарности», с 1997 по 2000 гг. - министр иностранных дел Республики Польша. С 2006 г. Депутат Европейского Парламента, лауреат присуждаемой муниципалитетом Ахена международной премии им. Карла Великого за 1998 г. Погиб в автомобильной катастрофе в 2008 г.

Базиль Керский - главный редактор двуязычного немецко-польского журнала «Диалог»

Адам Михник - историк и публицист, главный редактор «Газеты выборчей»

Генрих Август Винклер - профессор истории, автор множества публикаций по истории Германии XIX и XX вв., автор двухтомной истории Германии «Долгая дорога на Запад»

1: ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА

- Почему мы не любим русских?

- Начать нужно с того, что ближайших соседей вообще не любят. Французы не терпят англичан, а испанцы - французов и т.д. Я читал «Наброски перышком» [Анджея Бобковского] - записки времен II Мировой войны, - и там видно, насколько двойственным и противоречивым было отношение французов к [гитлеровским] налетам на Великобританию, а некоторые даже задумывались, кто им больше враг - немцы или англичане. Когда-то я спрашивал чехов, какой народ они любят. Мне ответили полушутя, полусерьез, что новозеландцев, потому что они очень далеко. Во-вторых, если одно государство отнимает у другого часть территории и пытается уничтожить коренное население и лишать его национального облика, то трудно рассчитывать, чтобы поляки любили русских. В свою очередь, русские не любили поляков, в частности, из-за того, что те зазнаются и смотрят на других свысока. Возьмем, к примеру, воспоминания в «Записках из Мертвого дома» Федора Достоевского. Там ссыльные шляхтичи гордятся своими мучениями и задирают нос, потому что страдают за родину, иными словами, за правое дело.

У Марии Домбровской существует очень интересное высказывание в «Ночах и днях» - героиня читает Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, и их произведения очень ей нравятся, но потом она говорит: «А за что же вы нас угнетаете, коль вы такие?» - подразумевается «замечательные».

Мне кажется, сейчас наблюдается отчетливый перелом, и в Польше стереотип русского меняется. На стадионе 10-летия можно купить советские ордена или папахи со звездой. Видно, как империя распродает всяческие остатки, и это означает крупномасштабную разрядку тех комплексов, которые накопились за долгие годы. Один русский, живущий в эмиграции в Париже, говорил мне: «Я ненавижу большевизм, но испытал столько унижений от французов, что, видя их страх перед советской армией, радуюсь, - для меня это какое-то удовлетворение».

- Русские в XVIII веке лишили нас территории и суверенитета, но каким было у нас представление о русском человеке и отношении к России до разделов Польши?

- Столько говорилось о нашем вхождении в Европу. Это ерунда. Мы никогда ни из какой Европы не выходили. Европа как единая военная общность никогда не существовала. Да и как экономическая общность - тоже нет. Зато она существовала как общность культурно-нравственная, и к ней мы принадлежали, так как, к примеру, учились в тех же университетах, что и французы, итальянцы или немцы. А вот Россию, равно как и Турцию, которая теперь хочет войти в Евросоюз, к этому сообществу не относили. Русские считались варварами.

Отрицалось даже, что православные - это христиане. Следовательно, на русских смотрели очень даже «сверху вниз» и относились к ним с необычайным пренебрежением.

- А какими видели нас в ту пору русские?

- Русские полагали, что, возможно, свобода в Речи Посполитой и имеется, но, как они говорили полякам: «У нас один только царь, который и горлом нашим, и имуществом распоряжается, а у вас что ни боярин, то тиран». XVII век - это в России период презрения к Польше, а с другой стороны восхищения нашими достижениями. Польские интервенты, оккупанты, авантюристы - все они были людьми, знавшими западную культуру, привозившими с собою в Москву латинские книги, и именно они помогли завязать первые сколько-нибудь прочные культурные контакты России с Западом. Но это отнюдь не означает, что пребывание поляков в Кремле принадлежит к числу славных страниц нашей польской истории.

Александр Брюкнер очень любопытно заметил в свое время, что каждый раз установление Россией культурных контактов с Западом означало конец польского культурного влияния. При Петре I русские непосредственно контактировали с Францией или Англией, а при Горбачеве у них исчезла потребность в том окне в мир, которое было довольно широко открыто в ПНР, потому что они сами открыли себе двери.

В России трудно в это поверить, но в XVI в. там напечатали всего 17 наименований книг - и все они были церковными. За этот период в Польше было опубликовано шесть тысяч книг. Русские переводили наши сочинения, и они распространялись среди тамошней элиты. При российском дворе во второй половине XVII в. польский язык играл такую же роль, как французский язык - в тот же период при польском дворе. В российской историографии - уже не советской - принят сейчас тезис, что всё русское барокко представляло собой запоздалое Возрождение, возвращенное и построенное на польских корнях.

- Но ведь уже Советский Союз гордился гигантским количеством издававшихся книг.

- В Советском Союзе некоторые книги печатались тиражом 50-100 экземпляров и распространялись среди членов политбюро. Собственными глазами я видел такое издание моей любимой книги, своего рода памфлета на Французскую революцию, - «Боги жаждут» Анатоля Франса. Революция представлена там в таком свете, что выглядит посмешищем, и она порождает слишком много ассоциаций с террором и постоянными торжествами, чтобы публиковать эту книгу большим тиражом. Лишь только после смерти Сталина эту книгу стали публиковать тиражом побольше.

Интересно вращается колесо истории. Когда в XVII в. король Сигизмунд III хотел после бунта Миколая Зебжыдовского избавиться от анархизирующей шляхты, то придворная пропаганда подталкивала последнюю к участию в покорении России. При этом говорилось: «Московиты более многочисленны, но это варвары, и вы с ними справитесь так же, как испанские конкистадоры совладали с толпой индейцев». Наступает конец XVIII в., разделы Польши, и в ту пору у нас о русских говорится, что это конкистадоры, которые нас завоевали и относятся к полякам, словно к индейцам.

В свое время, в 1920-е, главой советской дипломатической миссии в Варшаве был назначен один из убийц Николая II и его семьи [П.Л.Войков]. Польский МИД запротестовал против этого. Тогда Чичерин - кстати говоря, аристократ, исполнявший у большевиков роль министра иностранных дел, - сказал: «Ведь вы же на протяжении всего XIX века хотели убивать царей. Так в чем же дело сейчас?»

- Кто первым начал не любить вторых - мы русских или они нас?

- Одновременно. Предмет спора и столкновения между нами составляла Литва. Русь была слаба, и Литва захватила те русские земли, которыми та раньше владела. Соперничество продолжалось, и на этом фоне обязательно должно было дойти до конфликтов.

- В России мы имели дело (а, может быть, и до сей поры имеем) с сакрализацией власти, тогда как на Западе выработалась система контроля власти. Пожалуй, не так уж странно, что обладавшие золотой шляхетской вольностью поляки не испытывали особых симпатий к народу, который терпел ярмо деспотизма?

- Русские считали, что золотая вольность - это анархия. Принципиальная разница заключалась в том, что у нас политическая оппозиция всегда считалась гражданской добродетелью, а у них - преступлением. Человек, который выступает против власти, непременно должен быть безумцем. Царь Николай I велел объявить Чаадаева сумасшедшим. Писатель был отдан под надзор своего личного лекаря, посещавшего его раз в месяц. Это

случилось за сто лет до того, как Советский Союз начал заталкивать диссидентов в «психушки». На мой взгляд, не без причины в СССР не устроили в свое время особой шумихи вокруг уотергейтской аферы. Что для россиян означает фраза: «...установлена нелегальная подслушивающая аппаратура в штаб-квартире оппозиции»? Ведь это же оппозиция нелегальна, а власти позволено всё!

- На все ли времена сформировалась в России одна, а в Польше другая ментальность власти и подданных? Быть может, именно это различие и образует фундамент взаимной неприязни?

- Приведу иной пример. У нас в Польше повсеместно презирали профессию палача. Ему полагалось жить за городскими стенами, выбирать себе жену из числа приговоренных и т.д. А вот если в России (вплоть до времен Екатерины II) происходила публичная казнь, то палач мог в любую минуту подобрать себе помощника из толпы, собравшейся поглядеть, и тот не мог отказаться. Документально зафиксирована такая отвратительная деталь. Однажды кто-то хотел отказаться, и Иван Грозный заметил это. Тогда он повелел, чтобы человек, не желавший участвовать в казни, отрезал у приговоренного гениталии и сам их съел.

- Не только поляки с ужасом смотрели на Россию и русских. Маркиз Астольф де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году», которая разошлась по Европе в сотнях тысяч экземпляров и переводилась на много языков, писал о деспотизме, всепроникающем страхе, маразме, атрофии творческих подходов и с сочувствием высказывался о судьбе поляков. Он настолько симпатизировал нам, что не захотел возвращаться во Францию через Царство Польское, дабы не столкнуться с нашими недостатками, которые все-таки должны были у нас, по его мнению, иметься.

- Да, но Кюстин был исключением. Адам Мицкевич писал о настолько уступчивом и раболепном отношении французского правительства к России, что, по его мнению, дело может дойти до того, что казаки вновь расположатся биваком на Елисейских Полях. Уже в XVIII в. подкупленные энциклопедисты прославляли правление Екатерины II. Когда Вольтера упрекали, что он так лестно пишет о деспотизме царей, тот ответил: «Да, но я такой мерзляк, а она прислала мне великолепную шубу». Философы XVIII в. были настолько очарованы Россией, потому что царица вводила их в заблуждение, представляясь человеком эпохи Просвещения. А они поверили, что имеет место идеальный случай, когда могучая властительница в варварской стране способна проводить их идеи в жизнь. Нужно также отметить, что французы мало интересовались польскими проблемами. Когда на исходе XIX в. происходило торжественное перезахоронение Мицкевича на Вавеле [в Кракове, тогда принадлежавшем Австро-Венгрии], газета «Фигаро» написала, что царь смягчил свою политику по отношению к Польше, разрешив похоронить останки великого антирусского писателя на Вавеле... под Варшавой. А когда после окончания I Мировой войны в Польшу ехал первый французский посол, он был убежден, что у нас большинство населения говорит по-русски.

- А была ли неприязнь русских к Польше составным элементом их недоброжелательного отношения к Западу в целом? Вдобавок православные еще и видели в католиках виновников раскола вселенского христианства.

- Это связано с моей любимой теорией заговоров, в которую я не верю, но которую изучаю. Итак, нам приятно считать себя такими могучими, что против нас затевается заговор. По мнению православной пропаганды, главная цель Рима всегда состояла в уничтожении православия. Тем временем в Речи Посполитой XVII века печаталось кириллицей больше книг, чем в России. А когда на границе эти книги изымали, то их сжигали. При этом утверждалось, что хотя они и распространяют православную веру, но в действительности заражены «латынской ересью». Второй фактор неприязни состоял в том, что русские отлично знали: мы им портим репутацию на Западе. А третья причина: люди вообще не любят тех, кого обидели и кому причинили вред, а обиженные к тому же еще и предъявляют какие-то претензии.

Мало кто знает, но как раз мы начали портить мнение о русских на Западе. Стефан Баторий был первым из польских королей, которому пришла в голову мысль, что когда он отправляется на войну, то ему нужны не только гусары, пехота, мощные осадные машины, но и полевая типография. Там он печатал всякие бумажки, причем не только латиницей, где изображал свою победу на востоке как триумф над ордами чудовищных варваров.

- Каким выглядел этот варвар в подобных пропагандистских публикациях?

- ...Жестоким, безжалостным, малопросвещенным. Шляхта, как мы уже говорили, не могла питать уважения к тем, кто так легко позволяет тиранической власти подчинить себя. Вроде тех татар, которые у Сенкевича говорят, что надо их побыстрее вешать, а то Кмитиц гневается.

- Может быть, как раз некая вынесенная Пилсудским из молодости неприязнь к русским и привела к тому, что он не помог «белым» и не спас Россию и весь мир от большевизма?

- По сей день остается нерешенным вопрос о том, не Пилсудский ли предрешил победу большевиков, отказавшись помочь белым генералам. Не знаю, были ли эти генералы настолько честными либо попросту настолько глупыми. Большевики обещали всё на свете и не намеревались сдержать ни единого из своих обещаний. Когда Пилсудский спрашивал у белых генералов, что будет после того, как он им поможет, те отвечали, что после победы об этом примет решение Учредительное собрание, а они сами ничего обещать не могут. Финны тоже были в 1918 г. готовы нанести удар по Петрограду, но и им генералы тоже не хотели давать конкретных обещаний.

- А вы думаете, что если бы они обещали, то Пилсудский им бы помог?

- Помог бы. Он знал одно: если его станет атаковать красная Россия, то он может рассчитывать на какую-никакую помощь Запада, но если нападающей стороной будет белая Россия, то нет. Нас отдали Советскому Союзу в 1945 году. Мы оказались едва ли не первым государством в истории, которое сражалось на стороне победителей, но после победы вышло из войны территориальными потерями и утратив суверенитет. Тем более нас отдали бы России тогда, в 1920-м.

- Приглядимся повнимательнее к тому, что, может быть, объединяет нас с Россией, - к той особенной ситуации, в которой и поляки, и русские начинают считать, что Бог предназначил им неповторимую миссию.

- Россия считала себя Третьим Римом. У нас так далеко никто не зашел. Русские, как и мы, видели самих себя в качестве оплота и твердыни христианского мира. В 1980 г., в 600-ю годовщину Куликовской битвы, поэт Евтушенко написал, что если бы русские тогда не разбили татар, то не было бы Эйфелевой башни и культуры Ренессанса и что они спасли культуру Европы. Появлялся тот же самый аргумент, что у нас в Польше в XIX в.: «Мы не могли развивать культуру в такой же степени, как на Западе, потому что должны были ее защищать». В связи с этим русские считали, что когда они защищают культуру, православие, а мы с ними боремся, то тем самым нарушаем славянскую солидарность и вбиваем им «нож в спину».

- В нас видели также Иуду общеславянского дела, трамплин для вероломных предателей-иезуитов, для тех, кто вместо того, чтобы творчески разжигать в себе славянский первоэлемент, идут поверхностным, облегченным путем и по-обезьяньи копируют Запад, хотя ради собственного блага должны держаться вместе с Россией. К счастью, были также - что мы знаем от Мицкевича - и «русские друзья», например декабристы.

- Благородный Бестужев, тот самый, из стихотворного послания Мицкевича «К русским друзьям», в реальной действительности рвался в 1831 г. на борьбу с поляками, которые, по его мнению, никогда не будут искренними друзьями русских. «Кровь их зальет, но навсегда ли? Дай-то Боже», - писал он. И жалел, что сидит в Сибири